

и в погодных записях.¹ Но здесь они не получили широкого развития и обычно очень кратки. В летописном рассказе перед нами иная картина: рассказ иногда целиком состоит из одних речей, и обмен ими и составляет все содержание его; действующие лица постоянно по любому поводу обмениваются речами, иногда произносят целые обширные монологи. Факт и сам по себе неудивительный, независимо от весьма распространенного в XII в. обычая князей обмениваться посольскими речами: рассказ по самой своей природе тяготеет к прямой речи; она для рассказчика и проще и легче. Речи — особенность летописного рассказа, которая как будто говорит о чисто литературном вымысле. В данном случае, однако, это не так. Речи Киевской летописи ничего общего не имеют с речами античных историков или хорошо известной древне-русскому книжнику XII в. „Истории Иудейской войны“ Флавия Иосифа. Там речи — литературная фикция, часто прием, украшающий повествование; здесь — живой документ. На последнее обстоятельство недавно обратил внимание Д. С. Лихачев, и в данном вопросе я целиком разделяю его точку зрения.² Не повторяя того, о чем уже писал Д. С. Лихачев, приведу некоторые новые примеры действительно замечательной документальности речей в Киевской летописи.

Под 1150 г. дружина дает Изяславу Мстиславичу такой совет: „Княже! Нелзе ти пойти на нь (речь идет о Владимире Галицком), се перед тобою река, но еще зла, како на нь хочеши поехать? А еще стоять заложився лесом; ныне же того, княже, не прави, но поеди Киеву своей дружине; аже ны Володимер где постигнуть, а ту с ним ся биемы; а како ны еси у Заречьска рекл: аче ны Гюрги усрячать, а с тем ся бием; ныне же, княже, не стряпай, но поеди; а что ти будешь на Тетереви, а ту к тебе дружина твоя вси приедуть, а что ти бог даст и до Белгорода доидеши перед ним, а боле дружины к тебе приедеть, а болши ти сила“ (стр. 286). Здесь перед нами целый военный план, сформулированный в терминах той эпохи, разработанный до деталей. Трудно допустить, что это — литературная фикция. План так конкретен — он, кстати сказать, полностью себя оправдал, как показали дальнейшие события, — и составлен в такой деловой форме, что мысль эта должна отпасть сама собою.

¹ Под 1141 г., например, — „В то же лето посла Изяслав к сестре своей рече: «Испроси ны у зяте Новгород Великий брату своему Святополку»; она же тако створи“ (стр. 221); под 1170 г. — „В то же веремя Володимер Андреевич нача припривати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразуме, оже изветом у него просит волости, рече: «Брате Володимири! Ця давно еси хрест целовал ко мне и волость взял еси у мене?» Он же разгневался иде Дорогобужу“ (стр. 371; ср. стр. 394); иногда вводятся в запись, как фрагмент, вырванный из контекста: „и поропташа (Ольговичи) на нь (на брата Всеволода), оже любовь иметь с Мьстиславици, с шюрями своими, «а с нашими ворогы, и осажался ими около, а нам на безголовие и безмьстье и себе““ (стр. 223—224).

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 114—131; ср.: Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. Истор. зап., № 18 (1946).